

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ
И АРАБСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

свободное марксистское издательство

Составление и общая редакция: Дмитрий Потемкин

Перевод: Вера Акулова, Дмитрий Потемкин

Корректурa: Татьяна Егорова

Дизайн обложки: Николай Олейников

В книге собраны статьи левых интеллектуалов, посвященные восстаниям, которые начались в январе этого года в Тунисе, а затем распространились по всему арабскому миру. Можно ли говорить об этих восстаниях как о едином феномене? В чем их значение для сегодняшнего революционного движения? Каковы уроки «арабской весны — 2011»? Свою интерпретацию арабских событий дают Славой Жижек, Ален Бадью, Иммануил Валлерстайн, Тарик Али и др.

Сайт Свободного марксистского издательства
fmbooks.wordpress.com

Славой Жижек. Почему боятся арабского революционного духа?

1 февраля 4

Иммануил Валлерстайн. Второе Арабское восстание: победители и проигравшие

1 февраля 7

Славой Жижек. За Египет: чудо площади Тахрир

10 февраля 11

Ален Бадью. Тунис, Египет: восточный ветер сбивает западную спесь

18 февраля 14

Тарик Али. Арабский 1848-й

22 февраля 19

Питер Холлуорд. Арабские восстания и воля народа

22 февраля 23

Майкл Хардт, Антонио Негри. Арабы — пионеры новой демократии

24 февраля 28

Иммануил Валлерстайн. Ветер перемен — в арабском мире и за его пределами.

1 марта 31

Славой Жижек

Почему боятся арабского революционного духа?

В восстаниях в Тунисе и Египте не может не броситься в глаза очевидное отсутствие исламского фундаментализма. Народ в лучших светских демократических традициях просто восстал против деспотического режима, коррупции и бедности и потребовал свободы и экономических гарантий. Тем самым оказалась опровергнута циничная мудрость западных либералов, по мнению которых подлинное демократическое сознание в арабских странах присутствует только у немногочисленной либеральной элиты, а подавляющее большинство населения может быть мобилизовано только с помощью религиозного фундаментализма или национализма. Главный вопрос теперь — что же дальше? Кто станет победителем на политической арене?

Когда в Тунисе было сформировано новое временное правительство, там не оказалось исламистов и наиболее радикальных левых. Самоуверенные либералы решили: «Отлично, это ведь по сути одно и то же, ведь и те, и другие — тоталитарные экстремисты». Но действительно ли все так просто? Не заключается ли подлинный и основной антагонизм именно в противостоянии между исламистами и левыми? Даже если на какое-то короткое время они объединяются против режима, то, как только победа приближается, их единство раскалывается и они вступают в смертельную схватку. И эта схватка нередко оказывает более жестокой, чем та, которую они вели против общего врага.

Не стали ли мы свидетелями именно такой схватки по завершении последних выборов в Иране? Сотни тысяч сторонников Мусави отстаивали народную мечту, которая вдохновляла и революцию эпохи Хомейни, — мечту о свободе и справедливости. Даже если это и утопия, она все же вызвала невероятный всплеск политического и социального созидания, организационных экспериментов и дебатов между студентами и обычными людьми. Этот период высвобождения невиданных сил социальной трансформации, когда

казалось, что возможно все, оборвался с приходом к власти исламистов.

Но даже в случае открыто фундаменталистских движений нельзя упускать из виду, что и они могут иметь социальный компонент. «Талибан» регулярно представляют как фундаменталистскую исламистскую группировку, реализующую свою власть через террор. Однако, когда весной 2009 года они захватили долину Сват в Пакистане, «Нью-Йорк таймс» сообщила, что они спровоцировали «классовое восстание, эксплуатируя глубинный конфликт между небольшой группой богатых землевладельцев и их безземельными арендаторами». Если, «воспользовавшись» требованием фермеров, «Талибан» создает, по выражению «Нью-Йорк таймс», «риск для Пакистана, остающегося пока преимущественно феодальным государством», то что помешало либеральным демократам в Пакистане и США точно так же «воспользоваться» этим требованием и попытаться помочь безземельным фермерам? Может быть, дело в том, что пакистанские феодальные силы — это естественный союзник либеральной демократии?

Неизбежный вывод состоит в том, что подъем радикального исламизма всегда был обратной стороной исчезновения в мусульманских странах светских левых. Сегодня Афганистан изображают самой фундаменталистской страной в мире, но мало кто помнит, что сорок лет назад это была страна с сильной светской традицией и сильной компартией, которая пришла к власти без помощи Советского Союза. Куда исчезла эта светская традиция?

Важно воспринимать сегодняшние события в Тунисе и Египте (а также в Йемене и, быть может, даже в Саудовской Аравии) именно в этом контексте. Если ситуация стабилизируется и старый режим сможет продолжить свое существование с небольшими либеральными косметическими изменениями, то это спровоцирует непреодолимую реакцию со стороны фундаменталистов. Чтобы сохранить самое ценное в либеральном наследии, либералам будет необходима братская помощь радикальных левых. Возвращаясь к событиям в Египте, хочется отметить, что самая позорная и опасная оппортунистическая реакция была озвучена на «Си-эн-эн» Тони Блэром: да, изменения необходимы, но они должны быть постепенными. Для Египта постепенные изменения означают компромисс с властью Мубарака и незначительное расширение круга властных элит. Именно поэтому сегодня нельзя говорить ни о каком мирном переходе: Мубарак сам сделал мирный переход

невозможным, раздавив оппозицию. После того как он послал армию на борьбу с протестующими, выбор стал предельно ясным: либо небольшие косметические изменения, на самом деле нужные для того, чтобы ничего не менять, либо настоящий прорыв.

Именно здесь наступает момент истины: невозможно утверждать, что проведение реально свободных выборов будет означать приход к власти исламских фундаменталистов, как в случае с Алжиром десять лет назад. Либералов тревожит, что сегодня в Египте нет организованной политической силы, способной взять власть в случае ухода Мубарака. Разумеется, такой силы нет, ведь Мубарак хорошо для этого постарался, сведя оппозицию к маргинальным декоративным элементам. Аргумент в защиту Мубарака — или он, или хаос — на самом деле является аргументом против него.

Лицемерие западных либералов просто поразительно: они публично выступали в поддержку демократии, но как только люди реально восстали против тирании не во имя религии, а под светскими лозунгами свободы и справедливости, их это чрезвычайно озаботило. Откуда подобное беспокойство, почему не радоваться тому, что свобода получила очередной шанс? Сегодня как никогда актуально старое изречение Мао Цзэдуна: «Весь мир в смятении — прекрасная ситуация».

Куда же в таком случае деваться Мубараку? Ответ очевиден: его место в Гааге. Если кто-то и заслуживает там находиться, так это он.

1 февраля

Опубликовано в «Гардиан»

Перевод с английского Веры Акуловой и Дмитрия Потемкина

Иммануил Валлерстайн

Второе Арабское восстание: победители и проигравшие

Арабское восстание за независимость от Османской империи, во главе которого стоял Хусейн бен Али, произошло в 1916 году. Османы были изгнаны. Но позднее великое восстание использовали в своих интересах британцы и французы. После войны многие арабские страны постепенно становились независимыми членами ООН. Но в большинстве случаев их независимостью управляли извне Соединенные Штаты, ставшие в этом отношении преемником Британии; при этом Франция продолжала сохранять влияние в странах Магриба и в Ливане.

Второе Арабское восстание назревало в течение последних нескольких лет. Реальный стимул оно получило в прошлом месяце с удачным выступлением тунисской молодежи. Когда отважная молодежь рискует своей жизнью в борьбе с суперкорруптированным авторитарным режимом, этому нельзя не аплодировать. Чем бы это ни закончилось, это был светлый эпизод в истории человечества. Но все же остается вопрос: а что дальше?

В действительности возникает даже два вопроса. Как получилось так, что это восстание завершилось победой, в то время как аналогичные попытки в других странах — нет? И кто в итоге окажется победителем, а кто — проигравшим — в Тунисе, в других арабских странах и в мир-системе в целом?

Восстание против авторитарного режима — дело нелегкое. В распоряжении у представителей режима есть оружие и деньги, поэтому, как правило, им нетрудно подавить восстание на улицах. Символические поступки, выражающие протест против произвола агентов режима, такие как самосожжение молодого уличного торговца Мохаммеда Буазизи в одном из отдаленных городов Туниса, могут вдохновлять людей на сопротивление, что и произошло в Тунисе. Но чтобы эти поступки спровоцировали реальное свержение режима, последний уже должен дать трещину.

И в случае с Тунисом все было именно так. Ни армия, ни жандармы не были готовы стрелять в протестующих. Это пришлось делать элитным войскам президентской гвардии. Но их сил оказалось недостаточно, и президенту Бен Али с семьей пришлось покинуть страну. Политическое убежище им предоставила лишь Саудовская Аравия. Об узвимости режима Бен Али свидетельствует хотя бы тот факт, что лидеры его партии в надежде пережить восстание поспешили арестовать Абдельвахаба Абдаллу — ключевую фигуру аппарата принуждения при Бен Али, — чтобы тот не сделал то же самое с ними. Похожая ситуация была после смерти Сталина, когда его преемники по той же причине арестовали Берия.

Конечно, Бен Али сбежал под всеобщие рукоплескания. Исключение здесь составили лишь Каддафи и Берлускони, продолжавшие его оправдывать. Франция — главный внешний сторонник Бен Али — со стыдом признавала свои «ошибки». Соединенные же Штаты, отдавшие Тунис в хорошие, как думали их политики, руки французов, не сочли это необходимым.

Всем очевидно, что пример Туниса воодушевил и жителей других арабских стран. В данный момент это наиболее заметно в Египте, Йемене и Иордании. Сейчас, когда я пишу эти строки, неясно, удержится ли у власти президент Египта Хосни Мубарак.

Итак, кто победил, а кто проиграл? Еще по меньшей мере полгода, а может быть и дольше, мы не будем знать, кто придет к власти в Тунисе, в Египте, да и вообще во всем арабском мире. Стихийные восстания создают такую ситуацию, как в России 1917 года, когда, по знаменитому выражению Ленина, «власть валялась на улице», и ее могла взять любая организованная, решительная сила, какой и оказались большевики.

Политическая ситуация во всех арабских государствах разная. Сегодня в арабском мире нет ни одной страны с сильной и организованной светской радикальной партией, подобной большевистской, которая была бы готова взять власть в свои руки. Есть различные буржуазные либеральные движения, желающие играть главную роль, но едва ли среди них есть такие, которые обладают значительной социальной базой. Лучше всего организованы исламистские движения. Но между ними нет согласия. Их версии исламского государства различны: от сравнительно толерантных по отношению к неисламским группам населения, как в сегодняшней Турции, до жесткого варианта шариата (какой пытается навязать «Талибан» в Афганистане), включая

промежуточные разновидности типа «Братьев-мусульман» в Египте. И каким будет исход в плане внутренних государственных режимов, пока неясно. А значит, совершенно невозможно предсказать, кто победит внутри страны.

А что же внешние силы, которые так активно пытаются контролировать ситуацию? Главный внешний участник — Соединенные Штаты. Второй — Иран. Все остальные: Турция, Франция, Великобритания, Россия, Китай — не так важны, хотя и достойны упоминания.

Сильнее всех от второго Арабского восстания, конечно, проигрывают США. Это видно по той удивительной нерешительности, которую сейчас демонстрирует американское правительство. США (как и любая другая мировая держава) ставит один критерий превыше всех остальных, и этот критерий — дружелюбность других режимов. Вашингтон хочет быть на стороне победителя при условии, что победитель к нему не враждебен. Но что же тогда делать со странами вроде Египта, который в настоящий момент и так является практически сателлитом Соединенных Штатов? Здесь США свели свою роль к публичным призывам укрепить «демократию», прекратить насилие и сесть за стол переговоров. Похоже, они приказали египетской армии не увлекаться расстрелами, чтобы не позорить США. Но сможет ли Мубарак удержаться у власти без массовых расстрелов?

Второе Арабское восстание происходит в ситуации всеобщего хаоса. Эта ситуация характеризуется тремя чертами: снижением уровня жизни по меньшей мере двух третей мирового населения, вопиющим ростом текущих доходов сравнительно немногочисленных верхних слоев и серьезным снижением эффективной мощности так называемой сверхдержавы — Соединенных Штатов. Второе Арабское восстание, чем бы оно ни завершилось, еще больше ослабит власть США, особенно в арабском мире, именно потому, что сегодня единственная прочная основа политической популярности в этих странах — это сопротивление вмешательству Штатов в их дела. Даже те, кто обычно хочет американского участия и зависит от него, понимают, что сегодня это политически небезопасно.

Главный внешний победитель — это Иран. К иранскому режиму, конечно, относятся с большим недоверием. Отчасти потому, что это неарабская страна, отчасти потому, что она шиитская. Однако американские политики сделали Ирану чудесный подарок — смещение Саддама Хусейна. Саддам был самым яростным и самым успешным врагом Ирана. Иранские лидеры, наверное,

каждый день благословляют Джорджа Буша. Благодаря этой внезапной удаче они сумели выстроить умную политику, выказав готовность поддерживать нешиитские движения, такие как «Хамас», при условии, что они выступают решительно против Израиля и вмешательства США в дела региона.

Кроме Ирана, кое-что выиграет и Турция. Народные движения арабского мира долго ненавидели Турцию по двум причинам: она наследница Османской империи и верный союзник США. Нынешний избранный народом режим — исламистское движение, которое не стремится навязать законы шариата всему населению, но хочет сделать следование исламским обрядам гражданским правом, — стал склоняться к поддержке второго Арабского восстания, невзирая на риск испортить прежние хорошие отношения с Израилем и США.

И, разумеется, больше всех от второго Арабского восстания в конечном счете выиграют арабские народы.

1 февраля

*Комментарий опубликован на официальном сайте И. Валлерстайна
Перевод с английского Веры Акуловой и Дмитрия Потемкина*

Славой Жижек

За Египет: чудо площади Тахрир

Нельзя не отметить «чудесную» природу египетских событий: случилось нечто, чего никто не ожидал, что полностью опровергло мнения экспертов. Такое ощущение, будто это восстание было вызвано не только социальными причинами, но и вмешательством некой загадочной силы, которую мы могли бы на платонический манер назвать вечной идеей свободы, справедливости и человеческого достоинства.

Это восстание было универсальным: мы все могли непосредственно солидаризоваться с восставшими и признать справедливость их требований, не нуждаясь в каком-либо предварительном культурном анализе особенностей египетского общества. В отличие от революции Хомейни, когда левым приходилось контрабандой протаскивать свою повестку в по преимуществу исламистский общий контекст, здесь мы имеем дело с универсальными светскими требованиями свободы и справедливости, на языке которых теперь оказываются вынуждены говорить и «Братья-мусульмане».

Наиболее возвышенным эпизодом этого восстания была общая молитва мусульман и христиан-коптов на каирской площади Тахрир. Они скандировали «Мы едины!» — и это был лучший ответ сектантскому религиозному насилию. Сейчас для неоконсерваторов, которые критикуют мультикультурализм с позиций универсальных ценностей свободы и демократии, наступает момент истины: вы хотите всеобщей свободы и демократии? Так именно этого и требует народ Египта. Чем же вы тогда так обеспокоены? Не тем ли, что протестующие в Египте говорят не только о свободе и человеческом достоинстве, но также и о социальной и экономической справедливости?

С самого начала насилие со стороны протестующих имело чисто символический характер. Это был акт радикального коллективного гражданского неповиновения. Они сумели временно отменить власть государства, и это было не просто внутренним освобождением, а коллективным действием, разорвавшим цепи

добровольного рабства. Физическое насилие применяли избивавшие людей наемники Мубарака, появившиеся на площади Тахрир на лошадях и верблюдах. Протестующие же лишь защищались.

И хотя все они имели боевой настрой, никто не призывал к убийствам. Они требовали лишь ухода Мубарака, чтобы в Египте появилось пространство для свободы, причем такой свободы, которая никого не исключает, — протестующие обращались к армии и даже к ненавистной им полиции не с криками «Смерть вам!», а с призывами «Присоединяйтесь к нам! Все мы — братья!». Это ярко отличает освободительную демонстрацию от правопопулистской. На словах участники правых мобилизаций провозглашают органическое единство народа, но на деле это единство поддерживается лишь за счет призыва уничтожить врага (евреев, предателей и т. д.).

Итак, что происходит сейчас? Когда авторитарный режим приближается к своему финальному кризису, его разложение происходит в два этапа. Еще до фактического падения режима происходит разрыв: в какой-то момент люди понимают, что игра окончена, и просто теряют страх перед властью. И дело не только в том, что режим теряет свою легитимность. Всякое применение силы с его стороны начинается восприниматься как бессильная паническая реакция. Все мы знаем классическую сцену из мультфильмов, когда персонаж достигает обрыва, но все равно продолжает движение, не обращая внимания на то, что у него больше нет почвы под ногами. Он падает, лишь когда смотрит вниз и замечает, что под ногами у него пропасть. Так и загнивающий авторитарный режим: когда он теряет власть, нужно только напомнить ему посмотреть под ноги.

В своем романе «Шахиншах», ставшем классическим описанием революции Хомейни, Рышард Капуцинский показывает точный момент этот разрыва: на одном из перекрестков Тегерана кто-то из протестующих отказался подчиниться полицейскому, приказывавшему ему отправляться домой, и обескураженный полицейский просто отступил. Спустя несколько часов об этом знал весь Тегеран, и хотя уличные бои продолжались еще не одну неделю, все так или иначе понимали, что режиму шаха пришел конец.

Сегодняшняя затяжная борьба в Египте — это не борьба двух видений демократии, это борьба между видением свободы и слепым желанием остаться у власти, использующим все возможные средства — террор, подкуп через повышение зарплат, продовольственный кризис и простую усталость людей, — чтобы раздавить волю к свободе.

Когда Обама приветствовал восстание как законную форму выражения общественного мнения, которое правительство должно признавать, это окончательно все запутало: толпы в Каире и Александрии хотят не того, чтобы их требования были признаны правительством, они отрицают саму легитимность этого правительства. Им не нужен режим Мубарака как партнер в диалоге, они просто хотят, чтобы Мубарак ушел. Они хотят не просто новое правительство, которое бы прислушивалось к их мнению, они хотят полностью перестроить государство. Они не выражают чье-либо мнение, они и есть истина ситуации. И Мубарак понимает это гораздо лучше, чем Обама: нет никакого пространства для компромисса, как не было его и в конце 80-х, когда рушились коммунистические режимы.

А как же быть с опасениями, что после падения режима Мубарака новое правительство будет враждебно Израилю? Если это правительство действительно будет выражать интересы людей, с гордостью наслаждающихся свободой, то бояться здесь нечего: антисемитизм может развиваться лишь в атмосфере безысходности и угнетения. (Репортаж «Си-эн-эн» из одной египетской провинции показал, как правительство распускает среди населения слухи о том, что журналисты и организаторы протестов были подосланы евреями, чтобы ослабить Египет. Вот такой Мубарак друг всех евреев.)

Жестокая ирония сегодняшней ситуации заключается в том, что Запад сейчас озабочен тем, чтобы переход происходил «законным» путем — как будто до этого в Египте царила абсолютная законность. Неужели мы уже начали забывать, что Египет в течение многих лет находился в состоянии перманентного чрезвычайно плохого положения? И именно Мубарак приостановил действие права, политически обездвигив всю страну и удушив в ней всякую подлинную политическую жизнь. Из этого становится понятным, почему люди на улицах Каира заявляют, что впервые в своей жизни они чувствуют себя по-настоящему живыми. И что бы ни случилось дальше, важно, чтобы это ощущение не оказалось похоронено под цинизмом «реальной политики».

10 февраля

Опубликовано в «Гардиан»

Перевод с английского Дмитрия Потемкина

Ален Бадью

Тунис, Египет: восточный ветер сбивает западную спесь

Восточный ветер побеждает западный. Доколе праздный и сумеречный Запад, «международное сообщество» тех, кто все еще считает себя хозяевами мира, будет давать всему миру уроки управления и хорошего поведения? Разве не смешно видеть, как кучка интеллектуалов по призыву, солдат разбитой армии капитало-парламентаризма — нашего ободранного рая, — преподносит себя в дар прекрасным народам — тунисскому и египетскому — дабы обучить этих дикарей азбуке «демократии»? Что за жалкое упорство колониальной спеси! Неужели не очевидно, что в том бедственном политическом положении, в каком мы находимся вот уже три десятилетия, это мы должны всему учиться у нынешних народных восстаний? Разве мы не должны как можно скорее и как можно тщательнее изучить все, что помогло народу с помощью коллективных действий свергнуть олигархические коррумпированные правительства, тем более или даже в особенности в ситуации унижительной зависимости от западных государств?

Да, мы должны быть учениками этих движений, а не глупыми менторами. Потому что в самой гениальности своих изобретений они дают новую жизнь нескольким давно устаревшим, как нас постоянно пытаются убедить, принципам политики. И особенно тому принципу, о котором не уставал напоминать Марат: когда речь идет о свободе, равенстве, эмансипации, мы всем обязаны народным мятежам.

Бунт — дело правое. Так же, как наши государства и те, кто их использует (партии, профсоюзы, сервильные интеллектуалы), предпочитают политике управление, восстанию они предпочитают оглашение требований, а любому разрыву — «постепенный переход». Египетский и тунисский народы напоминают нам о том, что единственное действие, которое соответствует общему ощущению возмутительной узурпации государственной власти, — это массовое ополчение. И в этом случае единственный лозунг, который может объединить разнородные элементы, составляющие

толпу, — это слова «эй ты там, уходи!». В этом случае исключительная важность восстания, его критическая мощь состоит в том, что этот лозунг, повторяемый миллионами, предоставляет критерий первой несомненной, непреложной победы, — уход человека, на которого было указано. И что бы ни произошло дальше, этот триумф народного действия, по природе своей незаконный, навсегда останется победой. Однако то, что восстание против государственной власти может быть безусловно победоносным, — это универсальный принцип. Эта победа определяет горизонт всякого коллективного действия, неподконтрольного власти закона, — то, что Маркс назвал «отмиранием государства».

Это означает, что когда-нибудь народы, свободно объединившись в реализации своей творческой силы, смогут обходиться без гнетущего государственного принуждения. Именно в свете этого, в свете этой конечной идеи восстание, сбрасывающее установившуюся власть, вызывает во всем мире безграничный энтузиазм.

Из искры возгорится пламя. Все начинается с самосожжения: его совершает человек, обреченный на безработицу, потому что ему хотят запретить ничтожную торговлю, которая его кормит, и женщина-полицейский дает ему пощечину, чтобы он понял, что такое наша низменная реальность. За несколько дней, несколько недель этот жест сопротивления распространяется, и вот уже миллионы людей кричат от радости на далекой городской площади, а могущественные властители спешно пускаются в бега. Откуда же берется это волшебное расширение? Может быть, это распространение эпидемии свободы? Нет. По поэтичному выражению Жана-Мари Глеза, «революционное движение распространяется не путем заражения, а благодаря резонансу. Нечто формирующееся здесь резонирует с ударной волной от чего-то, что формируется в другом месте». Назовем этот резонанс событием. Событие есть внезапное создание — не новой реальности, а мириад новых возможностей.

Ни одна из них не является повторением чего-то уже известного. Вот почему обскурантизм — говорить «это движение требует демократии» (подразумевая ту, которая есть у нас на Западе) или «это движение требует улучшения социальных условий» (подразумевая умеренное процветание нашего мелкого буржуа). Начавшись почти с нуля, резонируя повсюду, народное возмущение открывает для всего мира неизведанные возможности. Слово «демократия» в Египте почти не произносятся. Там говорят о «новом Египте», о «настоящем египетском народе», об учредительном собрании, о полном переустройстве жизни, о небывалых, ранее неведомых

возможностях. Речь идет о том новом, что займет место сожженного пламенем, возгоревшимся от искры восстания. Это новое грядущее находится между декларацией ниспровержения правящих сил и объявлением о возложении на себя новых задач. Между словами молодого тунисца: «Мы, сыновья рабочих и крестьян, сильнее преступников», — и словами молодого египтянина: «Начиная с сегодняшнего дня, 25 января, я беру дела моей страны в свои руки».

Творец мировой истории — народ, и только он один. Удивительно, что у нас, на Западе, для правительств и СМИ повстанцы с одной каирской площади — это и есть «народ Египта». Как же так? Разве народ, единственный разумный и законный народ, не сводится обычно для этих людей либо к большинству «согласно опросам», либо к большинству «по результатам выборов»? Как так вышло, что внезапно сотни тысяч повстанцев оказались представителями народа, чья численность — восемьдесят миллионов человек? Это урок, который нельзя забыть, и мы его не забудем.

После того как пройден определенный порог решимости, упорства и храбрости, народ в самом деле может сосредоточить свое существование на одной площади, одном проспекте, нескольких заводах, в одном университете... Ведь дело в том, что весь мир будет свидетелем этой храбрости и, главное, потрясающих изобретений, которые с ней связаны. Эти изобретения будут подтверждением того, что там находится народ. Как сказал один из египетских манифестантов, «раньше я смотрел телевизор, а теперь телевидение смотрит на меня».

РЕШАТЬ ПРОБЛЕМЫ БЕЗ ПОМОЩИ ГОСУДАРСТВА

В момент события народ составляет из тех, кто умеет решать проблемы, которые ставит перед ними событие. То же и с оккупацией пространства: еда, места для сна, охрана, транспаранты, молитвы, оборонительные бои — чтобы место, в котором все происходит, которое уже стало символом, любой ценой осталось за народом. В масштабе сотен тысяч съехавшихся отовсюду людей эти проблемы кажутся нерешаемыми, тем более что на этой площади государства больше нет. Решать нерешаемые проблемы без помощи государства — это и есть судьба события. И это то, благодаря чему внезапно и на неопределенное время начинает существовать народ — там, где он решил собраться.

Без коммунистического движения нет коммунизма. Народное возмущение, о котором мы говорим, явно не имеет ни партии, ни

организации-гегемона, ни признанного лидера. У нас еще будет время выяснить, является ли это силой или слабостью. В любом случае, именно благодаря этому оно обладает в предельно чистой форме — вероятно, самой чистой со времен Парижской коммуны — всеми чертами того, что следует называть коммунизмом-как-движением. «Коммунизм» здесь означает совместное создание коллективной судьбы. Эта «совместность» имеет две отличительных черты. Во-первых, она родовая и представляет в одном месте все человечество. В этом месте собираются люди всех категорий, из которых и составляется народ, все высказывания там выслушиваются, все предложения рассматриваются, все проблемы решаются должным образом. Во-вторых, она преодолевает все главные противоречия, на уникальную роль в решении которых претендует государство, хотя на деле оно никогда не разрешает их окончательно: между работниками умственного и физического труда, мужчинами и женщинами, бедными и богатыми, мусульманами и коптами, провинциалами и столичными жителями...

Каждый миг возникают тысячи новых возможностей, связанных с этими противоречиями, но государство — любое государство — к ним совершенно слепо. Мы видим, как молодые женщины-врачи оказывают помощь раненым и как они спят посреди кружка отчаянных молодых парней, и при этом они спокойнее, чем когда бы то ни было: они знают, что ни один волос не упадет с их головы. Мы видим и то, как к ребятам из пригородов обращается организация инженеров и просит их удержать площадь, защитить движение своей боевой энергией. Мы видим и цепочку христиан, которые стоят на страже, охраняя склонившихся в молитве мусульман. Мы видим, как торговцы кормят безработных и бедняков. Мы видим, как каждый разговаривает с незнакомыми людьми, стоящими рядом. Мы читаем тысячи плакатов, на которых жизнь каждого естественно сливается с общей для всех великой Историей. Совокупность этих ситуаций, этих изобретений и составляет коммунизм-как-движение. Вот уже два века единственный вопрос политики звучит так: как закрепить во времени изобретения коммунизма-как-движения? И единственным ответом реакционера остается: «Это невозможно и даже вредно. Доверимся государству». Слава тунисскому и египетскому народам, которые напоминают нам о нашем истинном и единственном политическом долге — организованной верности коммунизму-как-движению перед лицом государства.

Мы не хотим войны, но мы ее и не боимся. Повсюду говорили о мирном характере и спокойствии многотысячных манифестаций,

и это спокойствие связывали с идеалом избирательной демократии, который приписали движению. Отметим, однако, что сотни людей погибли и продолжают погибать ежедневно. Во многих случаях эти жертвы были борцами и мучениками начала движения, а затем — его защитниками. Политические и символические центры восстания приходилось защищать в жестоких столкновениях с ополченцами и полицейскими поставленными под угрозу режимов. И кто же заплатил за это собственной жизнью, если не молодежь из беднейших слоев населения? Пусть «средний класс», о котором наша непредсказуемая Мишель Аллио-Мари сказала, что демократическое разрешение текущих событий зависит от него и только от него, вспомнит, что в решающий момент продолжение восстания стало возможно лишь за счет безграничной самоотверженности народных групп. Насилие в рамках самозащиты неизбежно. Оно, впрочем, продолжается в Тунисе в сложных условиях, после того как молодые провинциальные активисты были возвращены к своему нищенскому существованию.

Можно ли всерьез думать, что основная цель этих неисчислимых инициатив и этих жертв лишь в том, чтобы подвести людей к «выбору» между Сулейманом и Мохаммедом аль-Барадеи, так же как мы смиряемся с жалким выбором между господами Саркози и Стросс-Каном? Неужели таков должен быть урок этого великолепного эпизода?

Нет, тысячу раз нет! Народы Туниса и Египта говорят нам: «Подняться, выстроить публичное место коммунизма-как-движения, защищать его всеми доступными способами, изобретая последовательные этапы действий, — это и есть реальность народной политики эмансипации». Конечно, не только арабские государства антинародны и, в сущности, — неважно, есть там выборы или нет — нелегитимны. К чему бы ни привели тунисское и египетское восстания, они обладают универсальным значением. Они предписывают новые возможности, которые важны для всего мира.

18 февраля

Опубликовано в «Монд»

Перевод с французского Веры Акуловой

Тарик Али

Арабский 1848-й

С момента, когда люди отказались целовать или хотя бы не замечать розги, которыми их пороли в течение стольких десятилетий, началась новая глава в истории арабской нации. Мгновенно, как подожженный листок бумаги, рассыпалась в пыль абсурдная, хотя и столь превозносимая, неоконсервативная идея, что арабам или мусульманам чужда демократия.

Тем, кто отстаивал такие взгляды, теперь, похоже, не повезло больше всех: это Израиль и его лоббисты в Евро-Америке, люди из военной промышленности, которые теперь в спешке пытаются продать как можно больше своего товара (а британский премьер-министр выступает в роли торговца смертью на ярмарке оружия в Абу-Даби), и попавшие в окружение правители Саудовской Аравии, гадающие, проникнет ли зараза и в их тираническое королевство. До сих пор они предоставляли убежище многим депотам, но где укроется, когда придет время, сама королевская семья? Ее члены должны понимать, что их возможные заступники без церемоний вытолкнут их и объявят, что они всегда были за демократию.

Если сравнивать с Европой, то это напоминает 1848 год, когда революционные потрясения обошли стороной только Британию и Испанию, несмотря на страхи королевы Виктории, опасавшейся чартистов. В письме к своему племяннику, под которым уже шатался бельгийский трон, она выражала ему свое участие, но задавалась вопросом, «не перережут ли нас всех в собственных кроватях». Непокоен сон тех, кто носит на голове корону или драгоценный убор и кто хранит миллиарды в иностранных банках.

Как и европейцы в 1848 году, арабские народы борются против иностранного господства (как показал недавний опрос, 82% египтян «отрицательно относятся к США»), против попрания своих демократических прав, против элиты, ослепленной своим незаконно приобретенным богатством, — и за экономическую

справедливость. Эти выступления отличаются от первой волны арабского национализма, главной целью которого было устранить из региона остатки Британской империи. При Насере египтяне национализировали Суэцкий канал и были оккупированы Британией, Францией и Израилем, но это произошло без разрешения Вашингтона, так что все три силы были вынуждены отступить.

Каир отпраздновал победу. В Ираке в 1958 году была свергнута пробританская монархия, в Дамаске власть взяли радикалы, пожилой саудовский принц предпринял попытку дворцового переворота, а после поражения бежал в Каир, в Йемене и Омане вспыхнули вооруженные конфликты, и все заговорили об арабской нации, называя три столицы-соперницы. Одним из побочных эффектов стал эксцентричный переворот в Ливии, приведший к власти молодого полуграмотного офицера, Муаммара Каддафи. Его враги в Саудовской Аравии всегда настаивали, чтобы переворотом руководила британская разведка, как и в случае с Угандой, где будто бы ее сотрудники поставили у власти Иди Амина. Национализм, модернизм и радикализм Каддафи, которые он провозглашал лишь на словах, оказались фальшивыми, как и его научно-фантастические рассказы, авторство которых ему не принадлежит.

Все эти ценности никогда не распространялись на его собственный народ. Несмотря на огромные доходы от продажи нефти, он отказывался развивать ливийскую систему образования, здравоохранение или предоставлять жилищные субсидии, разбазаривая деньги на абсурдные проекты за рубежом. Однажды Каддафи приказал изменить курс британского самолета, на борту которого находились суданские оппозиционеры (социалисты и коммунисты), чтобы передать их в руки диктатору Джафару Нимейри — это ставило крест на возможности любых радикальных перемен в этом государстве, что, как мы сегодня видим, привело к катастрофическим последствиям. В собственной стране он поддерживал ригидную племенную структуру, надеясь, что, разделяя и подкупая отдельные племена, он сможет оставаться у власти. Но этому пришел конец.

Израильский блицкриг 1967 года стал похоронным звоном по арабскому национализму. Междоусобные войны в Сирии и Ираке привели к победе правой партии «Баас» с благословения Вашингтона. После смерти Насера и пирровой победы Анвара Садата над Израилем в 1973 году египетская военная элита решила

возместить свои убытки, приняв ежегодные американские субсидии в миллиард долларов в обмен на сделку с Тель-Авивом. За это египетский диктатор удостоился от Евро-Америки славы хорошего политика, как в свое время и Саддам Хусейн. И если бы только они позволили, чтобы Саддама сместил его собственный народ, а не разрушительная война и оккупация, не было бы миллиона смертей и пяти миллионов осиротевших детей.

Вызванные экономическим кризисом, Арабские революции мобилизовали массовые движения, но не все аспекты сегодняшней жизни были поставлены под вопрос. Пока общественные, политические и религиозные права становятся предметом ожесточенных споров только в Тунисе. Еще не возникли новые политические партии, а значит, борьба на грядущих выборах будет идти между арабскими либералами и консерваторами в виде «Братьев-мусульман», уютно устроившихся в объятиях США и ориентирующихся на исламистские режимы Турции и Индонезии.

Американская гегемония в регионе пошатнулась, но она все еще не уничтожена. Постдеспотические режимы, вероятно, окажутся более независимыми, будут иметь новую и прогрессивную демократическую систему и, будем надеяться, новое устройство, способное удовлетворить экономические и политические нужды людей. Но египетские и тунисские военные позаботятся о том, чтобы слишком резких перемен не произошло. Особой проблемой для Евро-Америки является Бахрейн. Если его правители окажутся смещены, будет сложно предотвратить народные восстания в Саудовской Аравии. Может ли Вашингтон себе это позволить? Или он применит вооруженные силы, чтобы помочь ваххабитским клептократам остаться у власти?

Несколько десятилетий назад великий иракский поэт Мудхафар аль-Наваб, негодуя по поводу собрания деспотов, проходившего под названием Арабского саммита, написал такое стихотворение:

...Мубарик, Мубарик¹,
Здоровье и богатство
Шлют новостные факсы

¹ Мубарик (араб.) — уменьшительная форма имени Мубарак, здесь имеет пренебрежительный оттенок. — Прим. ред.

в ООН.
Так много лагерей,
но среди них Кэмп-Дэвид —
Всех лагерей Отец.
Да будет проклята отцов ваших
Гнилая доля.
Вам собственная вонь переполняет ноздри...
О Саммит
Лидеры держав
Да почернеют ваши рожи
Как ваши брюхи безобразны
Да жирные зады не лучше
Немудрено, что ваши рожи
На брюхи и зады похожи.
О саммит, саммит, саммит,
Козлы с баранами сошлись,
Чтоб пернуть мелодично.
Пусть грянет саммит
Пусть не грянет саммит
Пусть саммит все решит
А я плевал на вас на всех
Цари... лакеи... шейхи...²

Что бы ни произошло дальше, Арабские саммиты уже никогда не будут прежними. К поэту присоединился народ.

22 февраля

Опубликовано в «Гардиан»

Перевод с английского Веры Акуловой и Дмитрия Потемкина

² Перевод Кирилла Медведева

Питер Холлуорд

Арабские восстания и воля народа

Уже в конце 40-х Симона де Бовуар сетовала на нашу склонность «думать, что мы не являемся господами своей судьбы; мы больше не надеемся участвовать в творении истории, мы смиренно покоряемся ей». К концу 70-х это сожаление, поданное под видом победы, стало предметом расширяющегося консенсуса. В конце 80-х нам сказали, что история подошла к концу. Та история, которую творили обычные люди, должна была исчезнуть в тени «нового мирового порядка», где все основные рычаги власти находятся в руках узких кругов элит.

Действительно, последние тридцать лет эти элиты беспощадно атаковали эксплуатируемое большинство. Профсоюзы были истреблены, уровень реальной заработной платы снижен, социальная сфера приватизирована, общественные богатства разграблены. Долгие годы, пока «альтернативы не было», в большинстве стран силы сопротивления были либо маргинальны, либо играли чисто символическую роль. Покорное подчинение в том или ином виде оставалось основным жизненным настроем.

Но сегодня все изменилось. По всему миру (включая и некоторые страны, которые до сих пор считались образцом «спокойствия» и «стабильности») люди заново открывают принцип, лежащий в основе любого революционного действия: если мы обладаем достаточной волей к действию и достаточной решимостью, то у нас уже есть вся сила, необходимая, чтобы выработать и утвердить нашу собственную альтернативу. И если мы обладаем решимостью следовать этой альтернативе, то это дает нам возможность способствовать изменению мира прямо сейчас.

Это не значит, что над неолиберальным порядком или охраняющей его властью империи нависла неминуемая угроза падения. Возможность — это не более, но и не менее чем возможность. Государства, возглавляемые такими людьми, как Дэвид Кэмерон и Барак Обама, продолжают проталкивать повестку «реформ», равносильных самой настоящей классовой войне. В Британии нынешние планы

правительства относительно образования и социальной сферы гораздо более агрессивны, чем все, что могла бы предложить Маргарет Тэтчер. Тем не менее за последние годы — и особенно явно в последние несколько месяцев — общий баланс сил начал смещаться в трех важнейших отношениях, которые вместе вполне могут видоизменить не только Ближний Восток, но и весь мир.

Прежде всего, конечно, показав яснее, чем когда-либо ранее, какие последствия вызывает неограниченная погоня за прибылью, в 2008 году неолиберальные кредитные механизмы потерпели впечатляющий крах, и тем самым был нанесен беспрецедентный удар по доверию к мировой капиталистической системе. Издержки, связанные с тем, что многие назвали «финансовым переворотом», вытащили на свет закон политической бухгалтерии, господствующий сегодня: приватизировать прибыли — социализировать убытки. А законам такого типа публичность, как правило, вредна.

Нам всегда говорили, что мы не можем позволить себе продолжать заниматься утопическими проектами, которые сократили бы социальное неравенство или предотвратили миллионы ежегодных смертей от излечимых болезней и устранимого голода. Наши правительства и центральные банки, однако, тратят триллионы долларов — в тысячи раз больше, чем нужно, чтобы положить конец голоду на планете, — чтобы спасти от банкротства институции из числа самых вопиюще коррумпированных, какие когда-либо видел мир. Эти общественные деньги были потрачены столь же вопиющим образом на то, чтобы избежать изменений, вместо того чтобы осуществить их. Никто не занялся фундаментальными противоречиями в экономике, а банковскому сектору было позволено продолжать более или менее в том же духе, что и раньше. По мере того как последствия этого монументального провала с каждым месяцем осознают все больше людей по всему миру, отстаивать политическую позицию поляризующей классы жесткой экономии оказывается все труднее, тем более что сейчас так хорошо заметно, что меры, которые когда-то оправдывались экономической необходимостью, применяются в соответствии с осознанным выбором и четкой расстановкой приоритетов.

В то же самое время власть империи, которая всего несколько лет назад настаивала на «полномасштабном господстве», столкнулась с существенными ограничениями, как у себя на родине, так и за рубежом. Может быть, вашингтонские ястребы продолжают мечтать об атаке на Иран, но сегодня представить себе новую американскую

наступательную войну, пожалуй, сложнее, чем когда-либо с 1945 года. Редко такая мощная, многочисленная и дорогая армия выглядит столь бессильной. И редко такая сильная дипломатическая власть кажется столь наигранной, разбитой и лицемерной. Как это часто бывало в предшествующие десятилетия, США все еще могут свободно использовать право вето в ООН, чтобы пресекать восстановление справедливости на Ближнем Востоке, но теперь они чувствуют себя обязанными налагать вето одновременно и на собственную политику — и это уже едва не стоило им их важнейшей цели в этом регионе — разгрома палестинского освободительного движения.

США и их союзники постепенно обнаруживают, что сегодня гораздо труднее лгать о том, с чем связаны этот и другие политические процессы, — и эта сложность может скоро сказаться и на их текущих задачах по стабилизации Гаити, усмирению Ирака, подчинению Афганистана, демонизации Уго Чавеса в Венесуэле и так далее. Это второй важный фактор, который наиболее очевидно проявился при обнародовании «Аль-Джазирой» палестинских документов в прошлом месяце вслед за прошлогодними откровениями «Викиликс». Сочетание новых технологий, новых социальных медиа и новых источников информации (не в последнюю очередь самой «Аль-Джазиры»), рождающее новые формы объединения и размышления, начинает мешать политической элите, которой теперь труднее полагаться на сговорчивую прессу в ограничении политической повестки.

Кроме того, эти новые способы распространения информации и доступа к ней начинают оказывать трансформирующее воздействие и на третий и самый важный процесс — необычайный подъем народной мобилизации и солидарности. Это новое явление возникло вместе с Боливарианской революцией в Венесуэле и местными движениями в Боливии и Эквадоре (а позже оно сработало, среди прочего, в Пуэрто-Рико и Гваделупе, Иране, Китае и европейских странах), но преодолело новую отметку в Тунисе, Египте, Бахрейне и Ливии. По емкому выражению египетского протестующего, «раньше я смотрел телевизор, а теперь телевидение смотрит на меня». А на другой стороне земного шара десятки тысяч протестующих, которые выходят на защиту своих профсоюзов в Висконсине, — это лишь часть тех миллионов, которые все это время смотрели, и учились, и видели много общего между главой своей страны и низложенным египетским президентом. И британские студенты и рабочие, которые

готовятся к очередному раунду прямого столкновения с правительством Кэмерона, тоже смотрели внимательно.

Дипломаты и эксперты спешно пытаются убедить нас, что сегодняшние события в Северной Африке — это лишь вариант восточноевропейских восстаний 1989 года или последующих «цветных революций», в основном служивших укреплению глобального порядка, а не противодействию ему. Разумеется, никто не может предсказать, как будут развиваться североафриканские мобилизации и как широко они распространятся. Как и в случае с французской, гаитянской и русской революциями, совершенно невозможно заранее установить пространственные и временные (не говоря уже об этнических и религиозных) границы сегодняшних мобилизаций. Но уже сегодня мы можем сказать, что они изменили ход истории и продолжают его изменять. В каждом новом столкновении они заново доказывают истинность старого убеждения, что воля всегда сильнее любого насилия и презрительного отрицания: пока мы едины, мы непобедимы.

Что бы ни случилось дальше, народы Северной Африки и Ближнего Востока уже одержали победы, которые никогда не будут забыты. Столкновения в Тунисе 11 и 12 января, капитуляция полицейских отрядов в Каире и Александрии 28 января, взятие Жемчужной площади 19 февраля, освобождение Бенгази 20 февраля — все это попадет в анналы революционной истории, и арабскую весну 2011 когда-нибудь будут сравнивать с летом 1789 или осенью 1917, а не с зимой 1989.

В каждом случае ставкой в борьбе были не столько конкретные требования объективных перемен, сколько субъективный процесс осознания собственной силы. Любое революционное действие применяет на практике принцип, который любая контрреволюционная теория стремится отрицать и скрывать: не существует более глубокого источника легитимности, чем активная воля народа. Революционным действием является такое, в котором люди, решившие изменить свое положение, находят способ прояснить и мобилизовать волю народа как целого. Воля народа поддерживается действиями тех, кто составляет и продвигает ее в виде коллективного интереса — и тем самым заведомо рискует, что те немногие, чьим интересам они противостоят, объявят их преступниками и чужаками.

Как писал в своей недавней статье философ Ален Бадью, «после того как пройден определенный порог решимости, упорства

и храбрости, народ в самом деле может сосредоточить свое существование на одной площади, одном проспекте, нескольких заводах, в одном университете... В момент события народ состоит из тех, кто умеет решать проблемы, которые ставит перед ними событие» и которые в определенный момент могут заключаться в том, чтобы отстоять площадь, не прекращать забастовку или отбиться от армии. Поддерживаемые утверждением своей власти, которую они завоевали в нелегкой борьбе, народы Северной Африки и Ближнего Востока столь успешно изобретают средства для решения этих проблем, что этому уже сейчас сложно найти исторический прецедент. Сегодня первоочередные задачи — укрепление и организация этой власти перед лицом новых и еще более серьезных трудностей, с которыми им вскоре придется столкнуться.

Само собой разумеется, что исход грядущих столкновений будет везде разным. Последствия даже самых громких побед всегда неопределенны. И чтобы вынести свой урок из событий в Северной Африке, нам, живущим в более обеспеченных странах, может понадобиться много времени. Старый неолиберализм готов продолжать наступление. Но теперь все знают, что он может существовать лишь до тех пор, пока мы ему это позволяем.

22 февраля

Опубликовано в «Гардиан»

Перевод с английского Веры Акуловой и Дмитрия Потемкина

Майкл Хардт, Антонио Негри

Арабы — пионеры новой демократии

Перед теми, кто сегодня следит за восстаниями, постепенно охватывающими Северную Африку и Ближний Восток, стоит нелегкая задача: взглянуть на эти восстания не как на повторение событий прошлого, а как на оригинальные эксперименты, открывающие для свободы и демократии новые политические возможности, значимость которых выходит далеко за пределы региона. Мы надеемся, что благодаря этому периоду борьбы арабский мир на следующее десятилетие станет тем, чем для этого десятилетия была Латинская Америка — лабораторией политических экспериментов в отношениях между мощными социальными движениями и прогрессивными правительствами от Аргентины до Венесуэлы и от Бразилии до Боливии.

Эти восстания мгновенно очистили массовое сознание от расистской идеологии столкновения цивилизаций, согласно которой арабская политика — это явление прошлого. Множества в Тунисе, Каире и Бенгази безоговорочно опровергают политические стереотипы о том, что арабы обречены выбирать лишь между светскими диктатурами и фанатическими теократиями или что мусульманам почему-то недоступны свобода и демократия. Даже то, что сегодняшние события называют «революциями», вводит в заблуждение многих комментаторов, которые полагают, что от этого развитие событий неизбежно должно подчиняться логике 1789-го, 1917-го или каких-либо других европейских восстаний против королей и царей.

Сегодняшние восстания вспыхнули вокруг проблем безработицы. В центре этих событий находилась молодежь с высшим образованием и неудовлетворенными амбициями — люди, имеющие много общего с протестующими студентами Лондона и Рима. И хотя основные требования арабского мира связаны со свержением тираний и авторитарных режимов, за ними также стоит целый ряд социальных требований, касающихся условий жизни и труда, требований не просто покончить с зависимостью

и нищетой, но и дать власть и автономию образованной, деятельной части населения. И свержение Бен Али, Хосни Мубарака или Муаммара Каддафи будет лишь первым шагом.

Организация этих восстаний напоминает нам о том, что мы видели на протяжении уже более десяти лет в других регионах мира, от Сиэтла до Буэнос-Айреса, Генуи и боливийской Кочабамбы: горизонтальная сеть без единого, главного лидера. Традиционная оппозиция может принимать участие в действиях этой сети, но не может играть роль направляющей силы. Внешние наблюдатели с самого начала пытались определить лидера египетских восстаний: то ли это Мохаммед аль-Барадеи, то ли глава отдела по маркетингу Google Ваэль Гоним. Многие опасались, что контроль над происходящим возьмут «Братья-мусульмане» или какая-нибудь похожая организация. Они не понимали, что множества самоорганизуются без центра и что навязывание им лидера или поглощение их организацией традиционного типа подорвет их власть. Широкая распространенность социальных сетевых инструментов, таких как Facebook, Youtube или Twitter, является симптомом, а не причиной подобной организационной структуры. С помощью этих средств выражает себя интеллектуальное население, способное использовать подручные инструменты для автономной организации.

И хотя эти организованные сетевые движения отрицают централизованное лидерство, тем не менее им нужно объединить свои требования в новом учреждающем процессе, который свяжет деятельность наиболее активных групп протестующих с нуждами населения в целом. Восстания арабской молодежи направлены не на установление традиционной либеральной конституции, гарантирующей разделение властей и регулярную электоральную динамику, а скорее на создание новой формы демократии, адекватной новым формам выражения и новым потребностям множества. Это предполагает, в первую очередь, конституционное признание свободы выражения — причем не в типичной форме господствующих медиа, постоянно подверженных коррупции со стороны властных и экономических элит, а в форме, представленной общим опытом сетевых отношений.

И учитывая, что эти восстания были вызваны не только повсеместной безработицей и бедностью, но и общим ощущением фрустрации и нереализованности способностей к производству и самовыражению, особенно среди молодежи, радикальный учреждающий ответ должен представить общий план управления

природными ресурсами и общественным производством. Это черта, которую неолиберализм не в состоянии преодолеть и которая ставит капитализм под вопрос. И исланизм совершенно не соответствует этим потребностям. Здесь восстание затрагивает не только баланс сил в Северной Африке и на Ближнем Востоке, но и мировую систему экономического управления.

Отсюда наша надежда, что этот период борьбы, охватывающей арабский мир и сближающей его с Латинской Америкой, воодушевит политические движения и пробудит стремление к свободе и демократии за пределами одного конкретного региона. Конечно, каждое отдельно взятое восстание может провалиться: тираны могут развязать кровавые репрессии, военные хунты — попытаться удержать власть, традиционные группы оппозиции — использовать народные движения в своих интересах, религиозные структуры — заполучить власть обманным путем. Но очевидно, что все это не задушит те политические требования и надежды, которые уже были озвучены и которые выражают устремления молодого интеллектуального поколения к другой жизни, в которой они могли бы разумно применять свои способности.

Пока эти требования и надежды живы, борьба будет продолжаться. Вопрос в том, чему научат мир в течение ближайшего десятилетия эти новые эксперименты в области свободы и демократии.

24 февраля

Опубликовано в «Гардиан»

Перевод с английского Дмитрия Потемкина

Иммануил Валлерстайн

Ветер перемен — в арабском мире и за его пределами

Больше пятидесяти лет назад, 3 февраля 1960 года, тогдашний премьер-министр Великобритании, консерватор Гарольд Макмиллан, обратился к парламенту Южной Африки, большинство в котором тогда имела партия, сделавшая основой государственного режима апартеид. Он произнес речь, которая стала известна как речь о «ветре перемен». Стоит напомнить слова Макмиллана: «Над этим континентом веет ветер перемен, и нравится нам это или нет, но рост национального самосознания сегодня является политическим фактом. Мы все должны принять это как политический факт, и наша национальная политика не может с этим не считаться».

Премьер-министру ЮАР Хендрику Фервурду эта речь не понравилась, он отверг как ее предпосылки, так и ее выводы. 1960 год стал Годом Африки, потому что в этот год обрели независимость шестнадцать африканских колоний. На самом деле речь Макмиллана была посвящена проблеме тех южных стран континента, где жили большие группы белых поселенцев (а также зачастую имелись огромные запасы полезных ископаемых), отрицавших саму идею всеобщего избирательного права, при котором чернокожее население сформировало бы подавляющее избирательное большинство.

Макмиллан не был радикалом. Он говорил о привлечении азиатских и африканских народов на сторону Запада в холодной войне. Его речь показала, что лидеры Великобритании и США считают, что дело электорального господства белых в ЮАР обречено и что вместе с собой оно может потопить и весь Запад. Ветер продолжал дуть, и африканское большинство постепенно побеждало повсюду, пока в 1994 году в самой ЮАР не было установлено всеобщее избирательное право и президентом не стал Нельсон Мандела. Тем не менее, в ходе этого процесса экономические интересы Великобритании и США оказались незатронуты.

Из этого можно вынести два урока. Первый заключается в том, что ветры перемен сильны и противостоять им практически невозможно. Второй — что, когда эти ветры уносят прочь символы

тирании, будущее не становится более определенным и предсказуемым. Оглядываясь назад, все поносят низвергнутые символы. Но в то же время каждый желает обеспечить собственные интересы в новых структурах.

Начавшись с Туниса и Египта, Вторая арабская революция охватывает все новые и новые страны, и нет сомнения, что и другие символы тирании либо падут, либо будут вынуждены произвести серьезные изменения в своем внутреннем государственном устройстве. Но кто же в итоге сохранит за собой власть? Уже в Тунисе и Египте мы можем наблюдать, как премьер-министрами оказываются люди, занимавшие ключевые посты при старом режиме. И в обеих странах армия пытается сдерживать протестующих. В обеих странах мы видим, как бывшие изгнанники занимают государственные посты, при этом поддерживая и даже укрепляя связи со странами Западной Европы и Северной Америки, оказывавшими поддержку прежнему режиму. Разумеется, народные силы оказывают этому сопротивление, и уже сегодня они сумели заставить тунисского премьер-министра подать в отставку.

В разгар французской революции Дантон призывал: «Смелость, еще раз смелость и смелость без конца!» Хороший совет, но вскоре после этого Дантон оказался на гильотине. А потом та же участь постигла и его палачей. Потом был Наполеон, Реставрация, 1848 год и, наконец, Парижская коммуна. К 1989 году, к двухсотлетию французской революции, практически все признавали ее заслуги. Но был ли на самом деле осуществлен ее главный лозунг — «свобода, равенство, братство»?

С тех пор многое изменилось. Ветер перемен сегодня распространился по всему миру. Сейчас он бушует в арабских странах. Нет сомнений, что геополитика этого региона бесповоротно изменилась. Ключевыми точками сейчас являются Саудовская Аравия и Палестина. Если саудовская монархия окажется под угрозой (а сегодня это кажется по меньшей мере возможным), то ни один режим в арабском мире не сможет чувствовать себя в безопасности. И если ветер перемен приведет к объединению двух основных политических сил в Палестине, то Израилю придется приспособливаться к новым реалиям и — перефразируя Гарольда Макмиллана — считаться с ростом палестинского национального самосознания, нравится это ему или нет.

Разумеется, США и Западная Европа делают все от них зависящее, чтобы усмирить и перенаправить ветер перемен. Но их

нынешняя власть уже не та, что была когда-то. Ветер перемен дует уже и у них на родине. С ветром всегда так: его направление и скорость непостоянны, а потому непредсказуемы. На этот раз ветер очень силен, и усмирить или перенаправить его может оказаться не так-то просто.

1 марта

*Комментарий опубликован на официальном сайте И. Валлерстайна
Перевод с английского Дмитрия Потемкина*

